СЕРГЕЙ ПАНФИЛОВ

СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА

СЕРГЕЙ ПАНФИЛОВ

18/IX-95 г.

СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА

Новосибирск
издательство
Мангазея
1995

ББК 84
П79

Сергей Иванович Панфилов до настоящего времени известен как автор стихов для детей. В Новосибирске вышли в свет две его брошюры с детскими стихотворениями. Настоящее издание открывает читателям новую сторону дарования С. Панфилова как лирического православного поэта. Живет в Новосибирске.

Художник
Юлия Кречетова

Панфилов С. И.

П79 Светлая седмица: Стихотворения. — Новосибирск: издательство «Мангазея», 1995. — 56 с. — (Поэтическая библиотека альманаха «Мангазея»)

Немедленно медленно прочти эту книгу,
о которой здесь — больше ни слова,
ибо награда бывает больше,
когда её не ждёшь.

***

Ушли монголы. Дым и трупы.
Развалины. Кровавый снег.
Князья расчётливы, но глупы
В желаньи пережить набег.

Что отсидимся, мол. Не внове.
Что Бог, мол, отведёт беду.
А то, что гибнет брат по крови, —
Предначертанье на роду.

Не отсиделись. И ворота
Тараном сорваны с петель.
Страшна смертельная икота,
Страшна смертельная постель.

Земля стонала безголосо,
Сходили слабые с ума.
Первоначального хаоса
Сошла на Русь густая тьма.

Восстали язвы и пороки,
И злоба лютая зверей.
Но шевельнулись вдруг пророки
В утробах бедных матерей.

***

Величава церковь, как природа,
Потому притягивает нас.
Сколько в залах плакало народа,
Глядя на резной иконостас.

На коленях мерили поклоны,
Голосил блаженный и юрод.
Но молчали древние иконы,
И трезвел озлобленный народ.

Накатило... С гиканьем и свистом
Ворвались — едри-твою-туда.
И плясал блаженный с гармонистом
Пред иконой Страшного Суда.

Не снесли.
Но больше нет магнита.
И завяли в поле звонари.
То ли не хватило динамита.
То ли что...
Попробуй разбери...

Кладбище

Ломали старое кладбище,
Киркой по звёздам и крестам.
И хмурый ветер горько свищет,
Неся печаль к иным местам.

А люди, рассыпая шутки,
Срезали строй могильных гряд.
И бригадир доволен жутко
За очень выгодный подряд.

Он знал, что жизнь его —прекрасна!
А память к прошлому —глупа!
И под землёй со всем согласны
В улыбках тлели черепа.

Зачем вам знать чужое горе?
И приближать последний час?
И странный знак: «Momento mori!»
Написан, видно, не для вас!

Здесь вырос новый парк культуры,
Приятно побывать в гостях,
Послушать вой аппаратуры
И танго сбацать на костях!

***

Помню: в избе плясали.
Жги, гармонист, пеки!
Тёплые волосы крали
Возле правой щеки.

Черпали брагу из фляги,
Пили гуртом из ковша.
Хмель прибавлял отваги,
И — невесома душа.

— Пойдём, что ли, милая, в баню —
На уютный полок.
Пальцами барабаню,
Глазами плету силок.

— Нет. Не пойду. Обманешь.
Если хочешь — целуй.
— Жилы, подружка, тянешь.
Да брось ты, на всё наплюй!

Но, доведя до точки,
Руки отводишь. — Женись!
Эх, золотые денёчки,
Время моё, вернись!

Нет. Не вернёшься. Знаю.
Слёзы текут из глаз.
И улыбаюсь маю,
Словно в последний раз.

***

По улице — к подружке Насте —
Иду я в стародавний дом.
Стучусь я. Открывают.
                    — Здрасьте!
— Сергуня... Верится с трудом.

Откуда ты?
— Да видеть хотца
Какая ты. И как дела.
Кто заменил первопроходца.
Считай — судьбина привела.

— Входи!
Вхожу. А там всё то же:
Половики. Торшер. Кровать.
И странный холодок по коже,
Как будто вышел воровать.

Сидим и смотрим друг на друга:
Чужая радость, как живёшь?
И в сердце начинает вьюга
Шептать спасительную ложь.

И, кажется, люби и веруй,
Целуй голубку до зари.
— Всё хорошеешь?
— Ладно, Серый,
Побойся Бога и не ври!

Хочу сказать тебе — степенной:
Забудь про горе и года.
Плесни, Настёна, браги пенной
И стань моею, как тогда.

Но ты молчишь. И я ни слова.
Не в силе прошлого права.
Ах ты, полынушка, полова,
Разлука — горькая трава!

***

Помечтаем с тобой о хорошем,
Погадаем о будущих днях:
О любви, о квартире, о грошах,
О сиреневом небе в огнях.

Будет всё, мы уйдём из подвала,
Беспредельным довольством дыша.
О себе вдруг напомнит устало
Непонятная сущность — душа.

Станет грустно. Ты скажешь тоскливо
(перед вечным не хочется врать):
— Посмотри, осыпается ива,
Неужели пора умирать?

Промолчу, не сказавши ответа,
Ты прекрасно всё знаешь сама:
Это просто закончилось лето,
А за осенью встанет зима.

***

Не плачь, любимая, не надо.
Твоя печаль не стоит слёз.
Сегодня — тихая прохлада,
А завтра, может быть, мороз.

А послезавтра — солнца лучик
Тебя от стужи сохранит.
И золотой найдётся ключик,
И песня полетит в зенит,

Чтобы звездой расцвесть, как прежде,
Я знаю это наперёд:
Нас вера приведёт к надежде,
К любви надежда приведёт.

А эти дорогие слёзы
Сейчас я перелью в слова.
Под скорлупой банальной прозы
Всегда поэзия жива!

Возвращение

Догорает осенняя зорька,
Тепловоз прохрипел, как петел.
Я кричу от восторга:
— Горько!
И целует берёзку ветер.

А дорога бежит под горку,
В низком доме окошко светит.
Постучаться в оконную створку?
Хоть разбейся, любовь не ответит.

А когда-то встречала — рада,
И свиданья тянулась нитка.
За деревнею есть ограда,
А в ограде — резная калитка.

Под берёзою — холм из глины,
Крест шершавый, старое фото.
И рассыпаны гроздья калины,
Поминал дорогую кто-то.

Я стою и заплакать не в силах,
Словно жизнь во мне душу убила.
Вырастают цветы на могилах,
Чтобы людям не страшно было.

***

Я иду, как Пётр, по волнам,
Море жизни подо мной шумит.
И соблазны искушают:
— К нам!
Будешь весел, пьян и знаменит.

А Христос проходит вдалеке,
Воля ваша — звать или не звать.
Чёрт зажёг фонарь на маяке —
Будет ужин, водка и кровать.

Погуляем ночку напролёт,
Будет песня лёгкая — хмельна.
Утром встанешь. Колокол поёт.
А душа — пустынна и больна.

Выйдешь в поле — тропку не найти.
Думал: счастье накрепко держу.
Повернул с заветного пути.
Ах, зачем я верил миражу!

Посиди, подумай на пеньке.
Остаётся — грустно куковать.
А Христос проходит вдалеке.
Воля ваша — звать или не звать.

***

Господи, не усомнюсь никогда!
Ты — Вседержитель — есть!
Сквозь ветер полынный и холода —
Голубка — благая весть.

Земля-кормилица стала стара,
Сердце дряхлеет в груди.
Но голос, полный любви и добра,
Промолвит:
— Встань и ходи!

Голос промолвит, а нас уже нет,
Смежила вежды смерть.
Сон ли могильный, забвение, бред,
Что нас влечёт в круговерть?

На холмик просевший вечерней порой
Дождик прольёт свою грусть.
На фото печальном листик сырой
Залепит глаза. Ну и пусть!

Я буду далече от здешних мест.
Ближнего просто понять.
И хочет, как будто, каменный крест
Вас — пришедших — обнять.

***

Среди гуляющего люда
Иду я в православный храм.
Всю жизнь мы ожидаем чуда,
Но чудо не приходит к нам.

Создав зловещие химеры,
Мы попадём к химерам в плен.
И пусто на земле без веры,
И разъедает душу тлен.

Я вижу Божии ворота,
И радость оживёт в груди.
Я слышу, как воскликнул кто-то
Весёлым голосом:
— Входи!

Даётся благодать по вере
Тому, кто помнит о Христе.
Мы головой колотим в двери,
Да двери, видимо, не те.

***

Змея — мучительная дума —
Вдруг сердце оплетёт тесьмой.
На звезды я смотрю из трюма
И жду, когда придёт восьмой.

Сметает звёздная пороша
В тайник души открытий медь.
Зачем дана такая ноша:
Всё прозревая, разуметь?

Она близка — его седмица.
Бушует в море пенный вал.
И песнопение дымится:
Тебе — Молóх, тебе — Ваал.

Он принесёт проклятье — имя.
Его вы примете. Скопцы.
Его премудрость — это вымя,
Где речи льстивые — сосцы.

Но молоко пропахнет ядом,
И равнодушья не вернуть.
Красавец обернётся гадом,
Чтоб крови жертвенной лизнуть...

Светила движутся куда-то.
И кажется: всё не всерьёз.
Но вспоминаешь: Имя свято.
И тихо выдохнешь:
— Христос!

Бледнеет ночь. Неясны сроки.
И, вроде, незнаком с грехом,
Когда кудряво — на востоке —
Рассвет запляшет петухом.

***

— Смерти нет! — говорит Господь.
Смерти нет, смерти нет, смерти нет.
Преображенье — распятая плоть:
Свет.

Тишина, где твой мягкий покров?
Где ласкающий, нежный уют?
Слышу: злобные духи ветров
Поют.

Гнутся в поле полынь и ковыль,
Налились кулаки для драк.
Раплескалась чёрная быль,
Мрак.

Но горит в темноте Огонь,
Ярче светят церквей купола.
Скачут красный и чёрный конь
Зла.

Но Господь говорит:
— Смерти нет!
Навсегда, навсегда, навсегда.
Преображенье — грядущий Свет:
Да!

***

Прости, Господь, Россию за Царя,
Убитого злодеями в подвале.
И сделай так, прощенье подаря,
Чтоб мы душой покой поцеловали.

Великий грех отмолим по церквям,
Пусть Свет отмоет кровяные пятна.
Так листья возвращаются ветвям,
И голос рек звучит светло и внятно.

Сначала души умерли. Потом
Природа умирала понемногу.
Чтоб человеком быть, а не скотом,
Вернись, заблудший, к Божьему порогу.

Тесны врата. Широкие пути
Ведут к погибели, несут в объятья зверю.
Прости нас, Боже! Господи, прости!
Ты любишь нас. Ты нас простишь.
Я верю.

***

Полюби, дорогая, молиться,
Когда сумрак посмотрит в лицо —
И закат, словно красная птица,
Тихо сядит на наше крыльцо.

Отшумела дневная тревога,
Ветер в роще прилёг отдохнуть.
А душа, истомившись без Бога,
Жаждет на ночь Творца помянуть.

"Отче наш", "Богородице Дево",
Боже, милостив буди ко мне.
И душа, словно райское древо,
Расцветает в Небесном Огне.

Тихий свет от пречистой иконы,
Неземная царит благодать.
И хочу, слыша вечные звоны,
И любить, и прощать, и страдать.

Не хочу лишь на ближнего злиться.
Вижу: бесы шабашат гурьбой.
Мы уходим от мира — молиться,
Плотно дверь затворив за собой.

Забыт Святослав и царьграды.
Но сердце привычно вздохнёт
При виде церковной ограды
И сбросит удушливый гнёт.

Горит негасимо лампада,
Молитва дробит полумглу.
А слов о виденьях распада
Не слышно стоящим в углу.

И вместе с поющими:
— Боже!
Кладущими крест и поклон,
Я низко склоняюся тоже,
Исполнив священный канон.

А там — возле красочной фрески,
Среди стариков и старух,
Всё кажется, что Достоевский
О родине молиться вслух.

***

От городских, дымящих пугал,
От мёртвых каменных громад
Уйду в леса, в медвежий угол,
Где не живут хула и мат.

Увижу милую ромашку,
Тревожное услышу:
— Кра!
И сразу — сердце нараспашку,
Оно созрело для добра.

Ах, Русь — таинственная Мати,
Ты вся вопрос, а не ответ.
Но день ещё не на закате,
Едва-едва затеплил свет.

И на пороге новой сути
Рёв чёрной бездны заглуши.
Дай отдохнуть небесной смуте
В пространстве девственной души.

Не говори, что я — злодей.
Я просто утешитель многих.
И если хочешь — порадей
Со мной о сирых и убогих.

Я — белый лебедь. Я лечу
На свет в малиновом окошке.
Зажги моленую свечу
Да вылей приворот из плошки.

Да Богу в духе помолись:
Ей, Господи, грядёшь Ты скоро!
Тоска-хвороба, провались!
Исчезни прелесть наговора!

Я слышу голоса земли,
Они поют о райском хлебе.
И церкви, словно корабли,
Причала ищут в Горнем Небе.

Дай руку. Мы пойдём с тобой
Туда, где помнят образ Мати.
Где ситец неба голубой
Сияет в розовом закате.

Перед Пасхой

Русь не помнит свои напевы.
Я услышал в лесной глуши
Тихий голос небесной Девы —
Стон и радость русской души.

То ли ветер шептал, то ли травы,
То ли Космос во мне ожил?
То ль язычника буйные нравы
Лес внезапно в меня вложил?

То ли время стало не властно
Над поляной, рощей, рекой?
Но к земле расцветающей —
страстно
Я прижался небритой щекой.

Ветер, солнце, весенние песни,
Долгожданный прорыв Бытия.
И молитва моя:
— Воскресни!
— Боже Правый — воля Твоя!

***

Войду я в православный храм,
Чтоб сокрушить тоску неверья.
Сквозь холод золочёных рам
Свет сыплет радужные перья.

Восторга древнего — крыло
Ударит по сердцу невере.
А гордость, сев на помело,
Помчится в храмовые двери.

Смиренья светлая печать
Отметит душу эгоиста.
И хочется — стоять, молчать,
И плакать — радостно и чисто.

***

Боль моя годами длится,
Богу тыща лет, что год.
Я хотел бы поклониться
Серебру небесных вод.

Я хотел бы окунуться
В голубиные леса.
Я хотел бы к вам вернуться,
Золотые небеса.

Не уйти мне прежде срока,
Не отведав лебеды.
Чернокнижница-сорока,
Злая вестница беды,

Не толкуй о панихиде,
Лучше счастья «накукуй».
Кошка словом не обидит.
Тварь Господняя, ликуй!

И живу я — свечка Богу —
Что пошлёт Он — я и рад,
Собирая понемногу
Херувимский виноград.

***

Бог вложил в меня память о смерти,
Как люблю я покой берёз!
Золотые мои, поверьте —
Не прожить на земле без слёз:

Покаяния и печали,
Очищения и любви.
Мы с тобой, словно камни, молчали.
Ненаглядная, позови!

Близок локоть. Кусай — не достанешь.
Я от беса в поля убегу.
Ты ромашкой надломленной вянешь
На далёком весеннем лугу.

Всё, что было — чего-то да значит.
Поминальная песнь — горяча.
И, сгорая, отчаянно плачет
Невозможная эта свеча!

***

Колокол молится. Слышишь?
Лазарь из гроба восста.
Замер и словно не дышишь,
Слушая голос Христа.

Льётся с небес песнопенье,
Хочется что-то вернуть,
Чтобы душевное тленье
В омут забвенья стряхнуть.

Травы ложатся под ноги.
"Плачешь? Я слёзы отру".
С тайною мыслью о Боге
Молча стою на ветру.

Видно: пора возвращаться
Блудному сыну домой.
Время настало прощаться
С ветхой, бродяжьей сумой.

Руки влагаются в руки,
Светом горят купола.
В каждом волнующем звуке —
Господу Богу хвала.

И ничего не попишешь,
Не запугаешь тюрьмой.
Колокол молится. Слышишь?
Время вернуться домой.

***

Полюбил приходить я под вечер
В древний храм, что стоит на бугре.
Там горят поминальные свечи,
Лики Господа — в серебре.

Бабки русские молятся истово,
На колени смиренно встают.
Исцеляется дух от нечистого,
Когда певчие тихо поют.

На коленях стою у Распятия,
Дым кадильный летит — голубок.
"О придите в Христовы объятия!" —
Голос дьякона чист и глубок.

Проникает он в душу замшелую,
Избавляет от пут суеты.
И Господню Любовь — Птицу Белую
Осыпают восторга цветы.

Поцелую икону Спасителя,
Возле Спаса свечу затеплю.
Помяните бродягу-сказителя
Дорогим, непритворным:
"Люблю!"

Буду слушать моление дьякона,
Чтоб слезами прощенья истечь.
И не вспомню, что бесами вякано,
Их пожрала геенская печь!

***

Изба грустит на косогоре,
И в песне ветра слышен стон.
Есть что-то милое во взоре,
Горящих кротостью окон.

Опутал землю сумрак сонный,
Я внемлю лепету огня.
Но говорит мне свет оконый,
Что ждут, да только не меня.

Пойду, творя молитву, мимо —
Искать спасательных щедрот.
И ладан вянущего дыма
Меня проводит от ворот.

* * *

Отслужили панихиду,
Сердце, не стучи!
Забери мою обиду,
Светом излечи.

Кто-то добрый горько плачет,
Слёзы сквозь ладонь.
Для ушедших много значит
Золотой огонь.

Кто мою мытарит душу,
Сердце рвёт в груди?
Я молчание нарушу:
— Господи, гряди!

Я лукавого отрину,
Веселись, народ!
И пускай мне бросят в спину:
— Не в себе, юрод!

Но среди камней могильных
Вспенится трава.
И молитва у бессильных,
Как всегда — права!

***

Надоело слушать панихиду,
Говорок занозистых речей.
Я сегодня на рассвете выйду,
В путь-дорогу провожу грачей.

До свиданья, вестники тревоги!
Пусть счастливым будет перелёт.
Постою у логова-берлоги,
Чтобы грусть слиняла, словно лёд.

И пойду на жухлую отаву,
Через рощу — к матушке-реке,
Напевать про Русь мою и славу,
Что лежит колечком на руке.

Не катись туда, где безобразен
Путь любой и души не нужны.
Не ходи за море, Стенька Разин,
Не проси любови у княжны.

А грачи?
Летите.
Что за дело —
Вам равно: к Кресту иль к кумачу.
А любовь к полям не охладела.
Хоть крылат, но вслед не полечу.

***

Всё пройдёт, останется Россия:
Милая — на Божьем берегу.
Вражья рать Микулу не скосила,
Я дышу на радостном лугу.

Лапушка, голубушка, родная,
На груди — созвездие Креста.
Я живу, спокойно сознавая,
Что дорога к Свету не проста.

Но не буду мрачным и унылым,
Не пойду в объятия греху.
Мне в ночи — по стати и по силам
Отвести сомнений шелуху.

Был бы хлеб да чистая водица,
Да очаг, что радости лучит.
А любовь, как Феникс, возродится.
Пепел есть и в грудь мою стучит.

С.В. Аксёнову

Не горюй, мой брат крестовый,
Прочь колоду горьких дум.
Я встаю, плясать готовый,
Для тебя, любезный кум.

Так включай свою бандуру:
Бесшабашен, весел, прост,
Загуляю нынче сдуру,
Заводи "Калинов мост".

Хлоп! — в ладоши. И — коленце.
За коленцем — кругаля.
С петухами полотенце,
А в кармане — ни рубля!

Вместо водки — кружку кваса,
И по новой плясака.
Мы не фактор и не масса —
Два кондовых русака.

Рысаком, а не медведем,
Скрип да скрип — два сапога.
— Кум, во Францию поедем?
Отвечает:
— На фига!

Буйным ритмом растреножен,
Всё, что хочешь — сокрушу!
Я кружусь — Парфён Рогожин —
И пощады не прошу!

Не пугай тюрьмой и плахой,
Знаю, что свинья не съест.
И летает под рубахой
Православный русский крест.

***

Вода в колодце — ледяная.
Черпнёшь — и полное ведро.
Как хорошо, не унывая,
Пить голубое серебро.

На небе солнце — в поларшина,
Покой на дальнем берегу.
И тополёвая вершина
Сгорает в солнечном снегу.

И сердца радостные взмахи,
Обещан в небесах приют.
И бессребреники-птахи:
— Хвалите, Господа! — поют.

Нам не уйти от жизни вечной,
Господь — источник чистых вод.
Молитвой умной и сердечной
Встречаю осени приход.

Не унывай, заря-зарянка,
Мы знаем вещие места.
Берёза, словно самарянка,
Внимает голосу Христа.

Гостеприимный кров избы,
Печь дышит, словно олениха.
Горшки на полке, как грибы:
Уютно, благостно и тихо.

О каше грезит чугунок,
Храня развесистые байки.
И луч закатный, как щенок,
Свернулся возле ног хозяйки.

Старуха дремлет у печи,
Старухе видится былое.
Но заговорное "молчи"
Покроет мрачное и злое.

Лежит на лавке кот-баюн,
Глаза ведовские прижмуря.
Поёт запечный гамаюн,
И снова в песне бродит буря.

Стоит в окне закатный дым,
И вечер просится: —
Куда мне?
И преподобный Серафим
Опять печалится на камне.

Кто посвящённый, тот поймёт
Симфонию древесных кружев.
Замрёт, как будто чистый мёд
В пеньке трухлявом обнаружив.

Живи, изба! Щитом — плетень.
Тебе дано добром лучиться.
Пока грозою Судный день
В твоё окно не постучится.

***

До земли пригнулись ковыли,
Гордый ветер гонит их бичом.
А в душе — ромашки расцвели,
Непогода сердцу нипочём.

Я избу закрою на засов,
Затоплю пожарче бабку-печь.
И, не слыша клёкота часов,
Навострю соху и верный меч.

Что пахать, что головы рубить —
Оправдает Отчая Земля.
Невозможно — взять и разлюбить
Солнце Правды, песню ковыля.

Стихнет ветер, и взойдёт ковыль.
Столько в жизни всякого былья.
И проскачет, разметая пыль,
Добрый воин — праведник Илья.

***

Пахнет осенью золотой,
И холмы, как церковный клир.
Не спеши, моя радость, постой,
Мы посмотрим на Божий мир.

Загрустила твоя душа,
Словно голубь, летит в зенит.
Мы стоим, никуда не спеша,
Ангел Божий тебя хранит.

Прочитаем с тобой "Отче наш"
И поклонимся на восток.
Нашей родины милый пейзаж,
Словно райского света глоток.

Помолчим. Тишину не вспугни.
Поцелуя святое вино.
Моя радость, наступят дни —
Будет дождик стучаться в окно.

Будет холод свиваться в кольцо,
Чёрный ветер деревья качать.
Моя радость, не прячь лицо,
Надо горе в глаза встречать.

Пахнет осенью золотой,
И холмы, как церковный клир.
Не спеши, моя радость, постой,
Мы посмотрим на Божий мир.

***

Как хорошо проснуться на рассвете
И сумрак пить глазами за окном.
И слушать, как поёт осенний ветер,
А в доме пахнет прелью, как вином.

Бабуся варит в чугуне картошку,
И в кухне гомон, вставший в полный рост.
Хочу отведать свежую окрошку,
Взяв ложку деревянную за хвост.

Перина обволакивает пухом,
Ко мне, как девка сдобная, нежна.
Ворчанье бабки слышу чутким ухом,
Что лежебокам каторга нужна.

Перекрещусь на старую икону,
В которой дырки от бандитских пуль.
Расслабленость я сдёрну, как попону,
И громко крикну:
— Я встаю, бабуль!

Возьму за чуб густое полотенце.
О, как хочу, чтоб жизнь была добра!
Во славу дня — пойду креститься в сенцы
Водой, в которой — льдинки серебра.

***

На плетень я шапку повешу,
Закатаю до плеч рукава,
Душу вольную распотешу:
Заготовлю для бабки дрова.

Чурбаки — мясисты, пахучи:
Сосны пили земную плоть.
Подниму я колун выше тучи,
Чтобы землю, шутя, расколоть.

Разбегайся, чурбак, на поленья!
Я тебя ошарашу в лоб,
Чтобы печку довёл до каленья
Красный петел, пустившись в галоп.

Деревянные длинные кости
Искроши, петушок, дотла,
Чтобы в доме — желанной гостьей —
Поселилась хозяйка тепла.

Крутобёдра и толстозада,
Я люблю твоих рук сугрев,
Когда полночь смотрит из сада,
Ветер воет в трубе, озверев.

Эх, работушка ты, работка!
Проживём, не спеша, до весны.
И ныряет колун, как лодка,
В золотое масло сосны.

Слышу бабка зовёт:
        — Голубчик,
Отдохни да поешь блинцов!
И, накинув овечий тулупчик,
Двину поступью удальцов.

Хватану ледяного квасу,
Чтобы судорога скрючила рот.
И — "осанну!" — мужичьему Спасу
Пропоёт мой угарный пот.

***

Дума сердце гложет: душу бы спасти!
Помоги мне, Боже, свечку донести.
За Христа не страшно душу потерять.
Постучится в двери — сядем вечерять.
Огонёк вечерний ласково горит,
О любви Господней сердце говорит.

***

Божии молитвы
На Святой Руси:
Господи, помилуй!
Господи, спаси!

Не уйти от боли,
Видно: сам дурак.
Ищешь лучшей доли,
Получаешь — мрак.

Сердце страхом бьётся:
Муку пронеси!
Тихо запоётся:
— Господи, спаси!

Что-то шевельнулось
В уголках души.
Светлое вернулось,
Лишь — не затуши!

И — с нездешней силой,
Что на небеси:
— Господи, помилуй!
— Господи, спаси!

***

Я люблю церковную службу,
Когда в церкви теснится народ.
Я завёл случайную дружбу
С человеком по кличке — "юрод".

— Дай мне денежку! — спросит кротко.
И молчит, не подашь пока.
И монета лежит, как сиротка,
На ладони того бедняка.

— Спаси, Господи! — скажет убогий.
Я отвечу ему:
— Прости!
Он пойдёт — спокойный и строгий —
Пол церковный пимами мести.

Вот и всё. Не пеняй за это:
Мне — на север. Тебе — на юг.
Показалось: прибавилось света,
Словно звёздочка вспыхнула вдруг.

***

Снег отцвёл и растаял. И снова
Над страною летят журавли.
И ромашек весеннее слово
Улыбается мне издали.

Раскрывая без страха объятия,
Мирром дышат святые поля.
И травики — зелёная братия —
Рады мне, половик постеля.

Похристосуюсь с рощей и лугом,
Позабыв про занозы обид.
Сердце вспахано радости плугом,
И от счастья в глазах зарябит.

С головою в поля окунулся
И, заветы родные храня,
Оглашаю простор:
— Я вернулся!
Я вернулся. Встречайте меня!

***

В поле — тихо, светло и привольно,
Ветерок прошуршит и замрёт.
Мне сегодня легко и безбольно,
Потому что никто не соврёт.

Потому что далёко-далече
Легковесность обманных миров.
Мне сегодня ложится на плечи
Моей родины светлый покров.

Сколько было душой колобродено
И целовано горя взасос.
Есть святое понятие: родина —
Край полей и плакучих берёз.

Облаков голубые часовни,
И лучей огневые кресты.
И берёзы — архангелам ровни —
Благолепно сложили персты.

И не надо другого, не надо.
Лишь с любовью смотреть на восток,
Где — предвестник Небесного Града —
Расцветёт золотой лепесток.

***

Пойду в берёзовые рощи —
Молиться на Незримый Крест.
Пеньков рассыпанные мощи,
Пичуг весенний благовест.

Ищу я в мимолётном взгляде
Любви, взыскующей Христа.
Берёзы в солнечном окладе,
Ромашки-свечи — у куста.

Кого люблю — всегда со мною,
Душа вселенную вместит.
Рябина страстью неземною
О неразгаданном грустит.

Я помню о далёком часе,
И слёзы катятся из глаз,
Когда я умоляю:
— Спасе,
Не отвращай лице от нас!

***

В лесной обители я снова,
Забыл о горечи утрат.
Берёза — крестница Христова —
Меня приветит:
— Здравствуй, брат!

Она чиста душой и телом,
Ей незнакомо слово "ложь".
И в мире нашем — оголтелом —
Такой красивой не найдёшь.

Я тайновидец. Знаю много.
Но баять всуе берегусь.
Она всегда — невеста Бога:
Страна людей — Святая Русь.

Она светла. И льются пряди.
И лучик скачет по серьгам.
О, дай мне силы, Бога ради,
Прийти к заветным берегам.

Среди берёзового света
Я поклонюсь Тебе, Иисус!
И птицею уносит лето
С полей души проклятья груз.

И сразу легче. И желанна
Стезя ошибок и тревог.
И дождь-расстрига — покаянно —
Бежит ко мне, не чуя ног.

***

Я надену огнекрылый крест,
Чтобы стать обручником Христу.
Я уйду от скуки адских мест —
Постоять на сказочном мосту.

Песня рядом. Руку протяни
В тишину отеческих полей.
Расцветают лилии в тени,
Чтобы стало краше и светлей.

Позабудь о свинстве, босота!
Не люблю глагола "умирай".
Для того разлита красота,
Чтобы вспоминали Божий рай.

На калитке прозвенит кольцо,
Ветер свяжет песню ковылю.
Я увижу милое лицо,
Чтобы в небо выдохнуть:
— Люблю!

Я нынче горнее увидел:
Спокойный свет из Царских Врат.
Простите все, кого обидел,
Пред кем жестоко виноват.

Обиды — жгучие зарницы,
Прощенье — чистая вода.
Мы в небо улетим, как птицы,
Пить чашу Божьего Суда.

Пред Господом предстанем наги,
Проступит помышлений ржа...
Иду. Ручей хмельной в овраге
Блестит, как лезвие ножа.

Забыв о чёртовой гордыне,
Припомнив мимолётный грех,
В молитвословящей пустыне
Прошу прощения у всех.

***

Протяни мне спасения руки,
Я унынье хочу побороть.
Я не знаю лучшей науки,
Чем молиться Тебе, Господь!

Всё условно на свете белом:
Нынче — князь ты, а завтра — изгой.
Что гордишься дебелым телом?
Смерть-отрава стоит за спиной.

Палачом у кровавой плахи,
Навострила свои рога.
Кто премудрости ищет в страхе,
Тот Всевышнему верный слуга.

Вянут листья. Уносит их ветер.
Не вернуться им больше назад.
Только месяц мучительно светел,
Озаряет кладбищенский сад.

Не поверишь, что ночь. Так ясно.
Перед мёртвыми что за спесь?
Неужели всё было напрасно?
И надежда погибла здесь?

Но кресты говорят иначе.
Прогони сатанинский кураж.
Я расслышу в далёком плаче
Богомольное:
"Отче наш"...

***

Встану. Богу помолюсь.
Пожелаю людям счастья.
Свету в небе умилюсь.
И пойду искать причастья

В церковь, где горит свеча
На берёзовой подставке,
Где молитвы бормоча,
Ходит пастырь в камилавке.

Воскресенья светлый час
Осыпает души новью.
И воззрит воскресший Спас
На печальников с любовью.

И пускай чернильный бес
Оглашает рёвом веси.
Я скажу:
— Христос воскрес!
И —
Воистину воскресе!

Содержание

Поэтическая
библиотека
альманаха
МАНГАЗЕЯ

Панфилов Сергей Иванович

Светлая седмица

Стихотворения

Ответственный за выпуск
В. А. Берязев

Редактор А. И. Денисенко
Корректор В. И. Ярцев
Художественный редактор В. Н. Савин

Сдано в набор 12.12.93. Подписано в печать 12.12.94.
Формат 70x90 1/32. Бум. тип. №1. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,04. Уч.-изд. л. 1,44.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Мангазея»,
630132, Новосибирск, ул. 1905 г., 33.
Тираж отпечатан с готовых диапозитивов
ПО «Кедр» г. Новосибирск.